

**Н. В.
УСПЕНСКИЙ**

Николай Васильевич Успенский

Издавека и вблизи

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2149535

Н.В. Успенский. Сочинения: М.; 2011

Аннотация

«Верстах в пятнадцати от уездного города, на возвышенном месте, стоит двухэтажный графский дом с великолепным садом, обнесенным каменной стеной. Вблизи на лугу у самой речки располагается село Погорелово с красивой церковью, выстроенную иждивением предков настоящего владельца, покоящихся в склепе под алтарем. В стороне от Погорелова, близ леса, возвышается винокурный завод, извергая из себя массу дыма, величественно поднимающуюся к небу...»

Содержание

I	4
II	19
III	29
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Николай Васильевич Успенский Издавека и вблизи

I ГРАФ

Верстах в пятнадцать от уездного города, на возвышенном месте, стоит двухэтажный графский дом с великолепным садом, обнесенным каменной стеной. Вблизи на лугу у самой речки располагается село Погорелово с красивой церковью, выстроенною иждивением предков настоящего владельца, покоящихся в склепе под алтарем. В стороне от Погорелова, близ леса, возвышается винокуренный завод, извергая из себя массу дыма, величественно поднимающуюся к небу.

Граф – холостой человек, лет двадцати пяти. Он приезжает из Петербурга в свое имение редко и на короткое время. Но в последнюю весну он известил управляющего, что намерен провести в Погорелове целое лето, даже, если не помешают разные обстоятельства, остаться в своем имении навсегда, с целью поближе познакомиться с сельским хозяй-

ством при помощи естественных наук, которыми он занимается в Петербурге. Граф упоминал также, что предстоящее лето он назначает на геологические экскурсии и, по случаю ученых занятий, будет вести уединенный образ жизни.

Это известие быстро разнеслось по окрестностям. Соседи помещики, особенно их жены и дочери, сильно приуныли, увидав, что им придется почти отказаться от графского общества; тем не менее весь уезд, на всех вечерах, собраниях, даже при простой встрече, горячо толковал о предстоящих графских экскурсиях. Многие утверждали, что в настоящее время действительно ничего не остается делать, как заниматься естественными науками, ибо только с помощью естественных наук можно сколько-нибудь поддержать упадающее сельское хозяйство, а между тем какому-нибудь геологу ничего не стоит открыть в любом имении если не груды золота, то, наверно, каменный уголь, железную руду или что-нибудь в этом роде. Один старый помещик рассказывал, что при императоре Павле в его имение приезжали немцы и предлагали ему огромную сумму денег, с тем чтобы он позволил им сделать ученые изыскания под его мельницей; но он на предложение немцев не согласился, надеясь сам заняться исследованием золотых россыпей, которые обличал металлический цвет воды в так называемом буковище.

Как бы то ни было, все решили, что граф жил в Петербурге не даром и что со временем своими учеными трудами он облагодетельствует весь погореловский край. Впрочем, ма-

тери семейств в намерении графа заниматься науками в глуши, вдали от света, подозревали совершившийся в его жизни перелом: вероятно, шум столичной жизни надоел ему вместе с победами над великосветскими женщинами, и как бы поэтому граф не женился в деревне. Напротив, молодые замужние женщины в приезде графа в деревню видели зарю своего собственного возрождения: по их мнению, граф ни под каким видом добровольно не наденет на себя супружеского ярма и всего менее будет корпеть над науками, особенно в летнее время, которое с большею пользою он может употребить на волокитстве за деревенскими belles femmes¹.

Гораздо практичнее смотрело на приезд графа низшее сельское сословие. Оно обдумывало, как бы приобрести от графа сад на лето, лужок или десятин пятьдесят земли; при этом иные решились предстать пред графом слегка пьяными, а иные даже помешанными; а сельский пономарь, изба которого стояла набоку, задумывал явиться к графу юродивым.

Между тем в имении графа поднялись хлопоты: в саду поправлялись беседки, оранжерея, грунтовой сарай^{1}; на реке строилась купальня; в доме красились стены и натирались полы. Управляющий приказал отборных телят и быков пасти на заказных лугах^{2}. Кучера задавали лишние порции лошадям, каждый день гоняя их на корде.

¹ Красавицами (фр.).

В половине мая из Петербурга приехал повар с ящиками вин и разными кухонными принадлежностями; с ним присланы были также реторты, геологические молотки и большой микроскоп, купленный графом на какой-то выставке. Научным аппаратам отведено было место в особом флигеле, где находилась старинная прадедовская библиотека. Описывая дворовым людям, управляющему и конторщику петербургскую жизнь, повар счел нужным познакомить их с князьями, графами, у которых он служил, также с Дюссо и Борелем^{3}; при этом в виде назидания он сообщил им, что такое консоме-ройаль и де-ва-ляйль, шо-фруа, де-жибье и т. п.

В первых числах июня приехал сам граф. Сельский при-чт явился поздравлять его с приездом. Одетые в новые рясы, с просфорой на серебряном блюде, священнослужители удостоились быть принятыми его сиятельством в столовой, где стоял завтрак с винами. После некоторых общепринятых фраз предметом разговора была железная дорога, Петербург, наконец, Париж, куда граф ездил недавно.

Граф был так любезен, что рассказал гостям кое-что про Париж.

– На стенах нет места, – говорил он, – где бы не было объявлений о театрах, концертах, гуляньях, балах; в зеркальных окнах торчат кабаньи морды, львы...

– Б-б-о-ж-же милосердый!

– Положительно весь Париж запружен увеселениями; в нем более тридцати театров.

Граф посмотрел на слушателей, вставив стеклышко в глаз.

– Вы едете по улице, мимо вас мелькают всевозможные надписи; там нарисован во всю стену черт, высыпающий сюртуки, жилеты; там дикий бык на арене.

Гости вздохнули и переглянулись.

– Вот где нам с вами побывать, отец дьякон! – сказал священник.

– Что нам там делать? Это содом и гоморра.

– Именно, – подтвердил граф, – я с вами согласен.

– Надолго, ваше сиятельство, пожаловали к нам?

– Я намерен прожить здесь долго.

– Доброе дело. Нам будет веселей. А прихожане постоянно спрашивали про вас: скоро ли наш благодетель приедет?..

Часов в семь вечера граф сидел в кабинете за письменным столом. В дверях стоял управляющий, посматривая на потолок и покашливая в руку.

– Ну-с, Артамон Федорыч, давайте с вами побеседуем о хозяйстве. Что же вы стоите? Садитесь.

– Ничего, ваше сиятельство: больше вырастем.

Граф указал на стул и повторил:

– Садитесь. Управляющий повиновался.

– Во-первых, скажите мне: можно ли в наших окрестностях добыть костей?

– Отчего же?

– А серной кислоты?

– В небольшом количестве тоже можно.

– Вот видите ли, Артамон Федорович, – продолжал граф, откидываясь на спинку стула, – я хочу завести в своем имении рациональное хозяйство: на Западе, вы, я думаю, слышали, давно удобряют землю костями. Так не пора ли и нам взяться за дело? как вы думаете?

– Вы, стало быть, купоросным маслом хотите разлагать кости?

– Разумеется.

– Да ведь этот способ, ваше сиятельство, давно оставили.

– Как оставили?

– Потому он дорог и неудобен. Года два тому назад публиковали другой способ, может быть вы изволили читать в газетах: разлагать кости при помощи торфа, известки и золы дешево и сердито. Торфу, конечно, у нас нет, впрочем это не беда. Главное затруднение в том, что почве, которую вы желаете удобрять, надо сделать анализ.

– Еще бы! химический анализ непременно. Да вы, кажется, знаете химию?

– Какое мое знание! читаешь, случается, газеты, и остается кое-что в памяти.

Граф предложил управляющему сигару и объявил:

– Моя специальность минералогия. Вы знакомы с минералогией?

– Нет-с. Уж этого бог миловал.

– Например, вы находите где бы то ни было известный кристалл и не знаете, как он называется. Вам надо прежде

всего определить, к какой системе он принадлежит? к тетраэдрической, сфенотриклиноэдрической или к другой какой-нибудь?..

Наконец, управляющий вышел. Граф прошелся по кабинету.

«Каков управляющий-то? Знает химию... я и не ожидал... Наконец, я и приехал, – рассуждал граф, садясь в темном углу на диване, – и не на один месяц, а может быть, навсегда...»

Как ни противен ему был Петербург за последнее время, тем не менее он мысленно перенесся на Невский проспект, объехал некоторые рестораны, посидел во французском театре, где шла «La belle Nelene», полюбовался в цирке на эволюции любимой акробатки, из цирка заехал к Дюссо ужинать и, наконец, отправился к «Hotel de Franse», где была его квартира. Ему казалось, что теперь все его петербургские знакомые подтрунивают над ним и спрашивают:

– Куда он девался?

– Говорят, уехал в деревню... и навсегда!..

– Какой ужас! Что же он там будет делать?

– Вероятно, слушать волков...

Общий хохот. Громче всех смеется, позвякивая саблей, князь Мордовкин, с которым граф месяц тому назад хотел стреляться за некоторую Адель.

«Впрочем, здесь, в деревне, – рассуждал граф, – я буду жить царем: у меня великолепный повар, огромное коли-

чество прислуги, хорошие лошади, вина в погребе; вообще полный комфорт. Поживу здесь год, другой, тогда, пожалуй, опять перееду в Петербург. Правда, пятнадцати тысяч в год мало, но, само собою разумеется, придется жить поскромнее. А что, если спустить все имение? – вдруг подумал граф и встал, как будто его озарила необыкновенная мысль, – но кто может поручиться, что в два, а много в три года я не спущу все деньги? Тогда что? на службу? – Граф саркастически улыбнулся и закурил гаванскую сигару. – Впрочем, чего я добиваюсь? чего еще желать при таком имении, как мое? Буду себе жить...»

«А общество, общество где? – возражал ему внутренний голос, – с соседями уже ты решил не знаться и хорошо сделал; ибо что может быть общего между ними и тобой? Ты будешь говорить об опере и балете, а твои соседи о запашках и сеноворошилках. Уж лучше сиди здесь один или опять ступай в Петербург».

– Вздор! – вскрикнул граф, – все это надоело... опротивело... – Граф позвонил и приказал подавать себе ужин.

Часов в восемь утра в буфетной комнате, смежной с передней, сидели за самоваром два камердинера и повар с женой. У двери стоял дворовый мальчик в сером фраке с яркими пуговицами. Старший камердинер посмотрел на свои часы и сказал повару:

– Не пора ли вам приниматься за бифстекс...

– Эй, Петька! – крикнул повар мальчику, – сбегай к садов-

нику, возьми у него редиски да вели скотнице принести сливочного масла. – Повар вынул из кармана карточку, хлопнул по ней пальцем и сказал:– Вот меню! Гор-д'евр-варие... это можно... суп жульен, филе-де-беф ан-бель-вю – идет! Хорошо бы стерле-ала-минут, да его нет! недурно бы крем из рябчиков с трюфелем – тоже нет! артишоков и не спрашивай... за что ни возьмись – все нет да нет! Разве сделать пате-шо из ершей! Есть тут ерши-то?

– Должно быть, есть; карасей здесь много...

– Эта дрянь никуда не годится...

Вошла скотница и поставила на стол масло.

– Андрей Иваныч, – обратилась она к старшему камердинеру, – простоквашу прикажете готовить для их сиятельства?

– Готовьте: граф любит простоквашу; только вы ей давайте окиснуть хорошенько.

– Слушаю. Еще я хотела доложить вам: кучера Якова жена все на меня ругается.

– Как же она смеет?

– Вам известно, как я здесь на скотном дворе состою главная, то ей и не хочется покоряться мне. И ей хочется быть главной. Я говорю: послушай, Марья, если мы у их сиятельства будем все главные, то у нас никакого порядка не будет; кто-нибудь должен покоряться. А она примется на меня брехать.

– Вы скажите ей, – внушительно заметил камердинер, –

если ты еще брехнешь, то завтра же получишь расчет, ты должна помнить, у кого ты служишь!..

– Слушаю.

В это время зазвенел колокольчик, камердинеры встрепенулись.

Старший камердинер осторожно вошел в спальню графа, который лежал в постели.

– Какова погода?

– Очень хорошая, ваше сиятельство. Солнце светит. Ночью подул было ветерок, а к утру перестал.

– На почту послали?

– С вечера уехали...

Наступило молчание. Видно было, что граф нуждался в новостях; лакей понимал это и усиливался чем-нибудь потешить графа; но потешить было нечем: впечатления деревенского утра были так скромны, что их не стоило и передавать.

– Скажи, пожалуйста, – сказал граф, – что это за крик был сегодня ночью?

– Караульный-с, ваше сиятельство...

– Нельзя ли, чтобы он по крайней мере не кричал над самым ухом.

– Слушаю. Сию минуту скажу.

– А собак на ночь спускают?

– Как же-с... всех до одной спускают.

Граф начал одеваться.

– Чай где изволите пить?

– На балконе.

– Погода стоит отменная, – вынося умывальник, говорил камердинер.

Посматривая на прадедовские образа в углу, граф подумал: «Надо эти византийские орнаменты убрать отсюда». Между тем камердинер говорил своему товарищу в передней:

– Не в духе...

– Ты знаешь его характер; нынче с тобой ласков, а то вдруг опрокинется ни за что.

В передней явился дьячок.

– Их сиятельство встали?

– На что тебе?

– Батюшка велел спросить, не угодно ли им пожаловать завтра к обедни...

– А завтра что такое? – спросил старший камердинер.

– Воскресенье, – скромно отвечал дьячок. – Если их сиятельству угодно будет отстоять литургию, то мы служение начнем попозже и благовестить будем подольше.

Дьячок отозвал камердинера к двери и шепнул:

– Нельзя ли мне повидаться с графом?

– Зачем?

– Изба вся развалилась... не будет ли милости...

– Из таких пустяков беспокоить графа. С чего ж ты выдумал? Ступай.

– Так вот что, – переступая через порог, говорил дьячок, –

замолвите словечко вы сами... верите? не нынче, так завтра изба всю семью придавит!..

– Это дело другое, – заметил камердинер, – когда-нибудь в свободное время доложу.

– Дьячок, ваше сиятельство, приходил узнать, не угодно ли вам завтра пожаловать к обедни, – докладывал камердинер.

– Скажи, что я не буду.

– Весь бы народ, ваше сиятельство, осчастливили, – говорил камердинер.

– Вздор какой!

– Могу вас уверить, что ждали вас сюда, как красное солнышко – и теперь всем известно, что вы пожаловали. Предки ваши были храмостроителями, а вас считают за попечителя храма... А то и будут толковать, дескать, родители их не гнушались храма божия...

– Ну и пусть их толкуют. Чем же я виноват, что мои предки были храмостроителями?

– Да ведь и то сказать, ваше сиятельство, с волками жить, надо по-волчьи и выть.

Этот довод подействовал на графа. Он сказал:

– А экипаж в порядке?

– Коляску, ваше сиятельство, я сегодня нарочно осматривал; в лучшем виде справлена: выкрашена и лаком покрыта.

– Ну скажи, что я буду.

Старший камердинер был человек испытанный и отличал-

ся такую опытностью и знанием своего дела, что граф называл его своим министром. Граф часто спорил с ним, даже ругал его, но всегда оказывалось, что камердинер был прав, хотя он пользовался своим влиянием на барина только в таких случаях, когда чересчур страдало графское достоинство или уже попиралось всякое благоразумие.

За отсутствием более важных дел с вечера же отдано было приказание запрячь к обедни четверку вороных. Молодой камердинер должен был одеться в ливрею, а кучер в свой парадный костюм.

Наступило воскресенье. В девять часов заблаговестили к обедни; граф уже был на ногах. Утро стояло погожее; все окна графского дома были отворены; звуки церковного колокола мелодично раздавались по комнатам. По берегу реки народ в праздничной одежде шел к церкви. Граф был в хорошем расположении духа и слегка напевал из «Троватора» ^[4] *Miserere* ^[5]. Четверня давно стояла у подъезда.

Наконец, во всем белом, с *rinse-nez* и английским хлыстиком, граф сел в угол коляски, положив наперевес одну ногу на другую. Выждав минуту, когда графский экипаж подъехал к самой церкви, пономарь ударил во все колокола. Отвечая легким наклонением головы на приветствие народа, граф, в сопровождении камердинера, державшего под мышкой ковер, вступил в церковь. Когда он стал на возвышенное место за чугунной решеткой, дьякон вышел из алтаря и сделал возглас.

В конце обедни священник сказал проповедь из текста «Несть власть аще не от бога». Служба тянулась долго; пение дьячков до того раздирало слух графа, что он покушался уехать домой после первой ектений; но его удержало приличие.

Мужики, вышедшие от обедни и вдоволь намолившиеся на церковный крестик, начали толковать между собою:

– А что, говорят, граф совсем приехал сюда жить?

– Уж знамо! Ноне господа сами взялись за хозяйство; то жили бог ведает где, а то все слетелись на свои гнездышки.

– После воли-то все поджали хвост!

– Теперь и наше дело держись! Чуть мало-маленько овечка али коровка взойдет на барское угодье – тут ей и быть!

– Везде стал глаз хозяйский!

– А урожаи-то ноне стали вон какие: до зимнего Миколы поел хлебушка, да и будет! и заговейся!..

– А там принимайся за лебеду!

– Экой ты! кабы была лебеда – горя бы мало! а как лебеда-то не уродится, тогда-то что делать!

– Его святая воля! – перекрестившись и вздохнувши, промолвил один старичок.

– А там подати... об них надо подумать...

В этом духе продолжался разговор до тех пор, пока крестьяне не разошлись по своим избенкам...

Приехав из церкви, граф позавтракал и отправился в сад; поговорил с садовником о сливах, персиках и абрикосах, дав

ему заметить, что эти фрукты его слабость; зашел в библиотеку, где увидал свои реторты и колбы, навестил кухню, посидел на крыльце, глядя на развалившиеся избы крестьян, слушая пение петухов; наконец, прошел через переднюю мимо стоявших навтыжку камердинеров и заперся в кабинете.

– Заскучал!.. – сказал старший камердинер, – а навряд он здесь долго проживет!

– Нам какое дело?

II ЭКСКУРСИИ

Прошел месяц. Граф жил все это время вне всякого знакомства и человеческого общества, исключая своей прислуги. Один только раз приезжал к нему сосед-помещик, с намерением попросить испанских вишен и каких-то высадков, да кстати поразведать, чем занимается его сиятельство. Граф охотно дал вишен и высадков, а насчет своих занятий сообщил, что он каждый день делает ученые экскурсии, в подтверждение чего показал соседу каменную плитку, найденную им в каменной ограде, с следами когда-то бывшего дождя. Речь графа пересыпалась научными терминами, например: додекаэдр, гемиэдриа и т. д. Гость полюбовался микроскопом, стоявшим в зале на особом столике, и уехал, не составив себе определенного понятия ни об образе жизни, ни о самой личности графа, который, напротив, был уверен, что сосед разгласит по всему уезду, что наука имеет одного из достойных представителей своих в лице его сиятельства. На самом же деле экскурсии графа состояли в том, что утром он гулял по саду, причем делал внушения садовнику и управляющему; потом завтракал и отправлялся кататься верхом или стрелять в цель; после обеда смотрел под микроскопом мушиную лапку, но чаще садился у окна с сигарой во рту и

устремлял взор вдаль. Однажды, после завтрака, граф сидел среди старой липовой аллеи. Утро было восхитительное, но граф был настроен невесело; он рассуждал о том, что жизнь – удивительно странное явление: чего бы, кажется, хотеть человеку, у которого такое огромное имение, как Погорелово? Несмотря на то, владелец этого имения положительно не знает, куда деваться от скуки... Рассуждения графа вертелись на двух положениях, что жизнь есть наслаждение и пустая и глупая шутка. Первое положение требовало, чтобы человек, подобный графу, катался как сыр в масле; второе приводило к тому, что самое любезное дело покончить с собою... «Вот дерево, – думал граф, – что оно такое, к чему оно? сделать стол, притолку? Или вот птица таскает себе гнездо: для чего это? вывести детей и потом снова таскать гнездо: для чего это *perpetuum mobile*?² Или, например, я: имею великолепный дом, изысканно ем, пью, по моде одеваюсь; но к чему все это? к чему все мое состояние? к чему я сам, наконец? Не стоит жить», – решил граф, грустно покачав головою.

«Не стоит?! – вдруг возразил внутри его другой какой-то голос, – в таком случае имение тебе больше не нужно: отдай его бедным людям».

«Но, может быть, – рассуждал граф, – с моих глаз спадет эта таинственная завеса; может быть, ученые скоро доберутся до настоящего смысла жизни и в газетах вдруг появится объявление: „Нет более *скуки!*!“»

² Бесконечное движение (*ит.*).

«Но ведь это вздор, – соглашался сам граф, – такого объявления никогда и быть не может».

«Стало быть, – вмешивался невидимый оппонент, – скупа год от году будет пожирать тебя с большим ожесточением; а все испытанные тобою средства от нее оказались недействительными; чего ты не перепробовал? И петербургские рысаки были в полном твоём распоряжении, и балеты, и оперы, и женщины, от которых у тебя до сего времени оскоми-на, все это извела твоя душа. Что ж теперь тебе остается делать?»

Невдалеке раздался выстрел. Граф позвал камердинера.

– Кто это стреляет?

– Должно быть, кто-нибудь охотится. За садом есть болото.

«А! – подумал граф, – займусь охотой». Он приказал подать ружье. Камердинер спросил:

– Прикажете с вами идти?

– Не надо! – отвечал граф и, взяв ружье, скорыми шагами пошел по саду, осматривая каждый куст, не сидит ли где хоть дрозд.

«Странное дело, – продолжал размышлять граф, – то, чего добивается весь мир – богатство, оказывается не более как пустой звук. Что же делать-то, наконец? Кружиться в петербургском свете – пробовал: остается один чад и пустота в голове да вдобавок векселя. Заниматься хозяйством – в нем ничего не смыслию... Отдаться науке... я к ней не подготов-

лен...»

Впереди пролетел дрозд. Граф выстрелил и опустил дичь в ягдташ. Поощряемый удачей, он шел дальше и дальше, наконец очутился в поле. Он окинул взором своим поля, вздохнул и вымолвил:

– Какая безотрадная картина! Ничего нет удивительного, что все эти десятины мы превращаем в шампанское, в рысаков и тому подобное. Да иначе что ж с ними делать?

Граф приблизился к болоту. Вскоре он увидел кулика, бегавшего по берегу, и хотел в него прицелиться; но вдруг остановился; вблизи стоял юноша лет пятнадцати с ружьем в руках.

– Стреляйте, ваше сиятельство, – вежливо приподняв фуражку, сказал молодой человек.

Граф выстрелил, кулик поднялся и вдруг упал, подстреленный незнакомцем. Графу было досадно, что он сделал промах. Завязался разговор.

– Я его плохо видел, – оправдывался граф.

– Да, он от вас далеко сидел.

– А вы хорошо стреляете. Где вы покупали ружье?

– От деда осталось... оно турецкое.

– Вы чем же занимаетесь? – спросил граф, идя с молодым человеком по направлению к саду.

– Живу у отца на винокуренном заводе, пишу конторские книги.

Наружность и скромность молодого человека понрави-

лись графу.

– Теперь завод стоит, дела у нас нет...

– Как же вы проводите время? – спросил граф.

– Ничего, весело. Недавно к нашему дьякону приехал его сын из семинарии, так мы с ним рыбу удим, купаемся, книжки читаем; он с собой привез две книги. Вот хожу, стреляю; а больше с кузнецом перепелов ловим – каждую зорю, и утром и вечером... отличная охота!

– Интересная?

– Очень интересная, ваше сиятельство!

– В чем она состоит?

– Извольте видеть: берется сеть, дудочка и самка. Как только солнышко начнет закатываться, сейчас мы отправляемся в поле. Только нужно, чтоб самка была хорошая!..

– Какая самка?

– Просто перепелка, ваше сиятельство...

– А у вас она есть?

– Как же! я еще в прошлую осень достал; мне принесли ребята; такая голосистая! удержу нет! в одну зорю поймает перепелов десять! я за нее не возьму двадцати рублей!..

Воодушевление, с которым молодой человек рассказывал про перепелиную охоту, граф старался поддержать: оно как-то освежительно подействовало на него; он продолжал спрашивать:

– А дудка для чего?

– Тоже для перепелов, ваше сиятельство: подманивать...

Как только перепела услышат эту дудочку, так и пойдут кричать; и там, и здесь, и оттуда, и отсюда летят, даже сгоряча на картуз садятся. В это время только сиди, не шевелись, а то и петить на голове будут! просто от смеху живот надорвешь. Вы ни разу не видали этой охоты, ваше сиятельство?

– Нет.

– По-моему, ваше сиятельство, – продолжал юноша, – эта охота лучше всякой другой охоты: ружейная или, например, рыбная перед ней никуда не годятся. Мы каждую зорю охотимся: так в поле и ночуем...

– А можно мне посмотреть, как вы ловите?

– Помилуйте, отчего же нельзя! Мы вот сегодня же и пойдем; потому погода стоит хорошая...

Граф и сын винокура подошли к калитке сада. Графу не хотелось отпустить от себя такого живого собеседника; к тому же он чувствовал, что дома ожидает его страшная тоска. Граф пригласил молодого человека к себе в дом.

– Вы не хотите ли персиков? – спросил граф, проходя мимо оранжереи.

– А я их, признаться, ни разу и не видывал, – простодушно отвечал юноша.

– Не лучше ли, впрочем, так, – вдруг воскликнул граф, заметно оживляясь, – позвольте спросить, вы обедали?

– Нет.

– Так сначала мы будем обедать!

– С большим удовольствием.

Пришедши с гостем в кабинет, граф позвал камердинера:

– Послушай! мы будем обедать на балконе; вели принести из погреба бутылку лафиту.

– Слушаю, – не очень доброжелательно посмотрев на незнакомца, отвечал камердинер и удалился.

– Садитесь, пожалуйста, – обратился граф к юноше, который с детским любопытством засматривался на каждую безделицу в кабинете.

– Ваше сиятельство! – начал он, – осмеливаюсь вас беспокоить покорнейшей просьбой. Нет ли у вас какой-нибудь книжечки почитать? я страсть как люблю книги... а достать негде...

– У меня больше французские... Впрочем, я велю камердинеру поискать в библиотеке. Позвольте спросить, где вы воспитывались?

– В уездном училище.

– А не в гимназии?

– Нет-с, потому средств не имею: у моего отца большое семейство; а в гимназии, говорят, содержание обходится двести рублей в год или более.

– Двести? – повторил граф. – А вы хотели бы учиться?

– Как же, ваше сиятельство, не хотеть? Что ж я живу здесь? почти без всякого занятия: ни себе никакой пользы не приношу, ни семейству.

Граф задумался. В его голове шевельнулась мысль: «Вот представляется случай сделать доброе дело: выведи этого

юношу на свет божий; двести, триста рублей в год для тебя ничего не значит; зато в твоей пустой жизни будет хоть одно это дело, ты хоть недаром проживешь на земле».

Граф почувствовал вдруг какое-то наитие и, встав, объявил молодому человеку:

– Я позабочусь, чтоб вы были в гимназии; двести рублей в год я могу уделить на ваше образование.

Камердинер доложил, что обед готов.

– Так мы сегодня идем на охоту.

– Надо, ваше сиятельство, пригласить кузнеца: он отличный охотник, – сказал гость.

Во время обеда камердинер доложил, что повар просит позволения идти на охоту, так как, живши еще у князя Косоурова, он был страшным охотником и перепелиную часть знает хорошо. Граф приказал ему собираться.

При закате солнца охотники отправились. Дорогой повар затеял спор с кузнецом относительно того, какой перепел лучше, тот ли, что кричит два раза, или тот, который просто «мамакает». Граф попросил повара вести себя в пределах подчиненности и не забываться.

Стоял тихий июльский вечер; солнце закатилось; на западе расстилались огненные полосы; рожь, к которой подошли охотники, стояла неподвижно... каждый малейший звук был слышен.

– Сейчас начнется, – выговорил повар. Отозвался перепел. Повар заиграл в дудку, и в одну минуту два перепела

опустились близ сети. Самка не заставила себя долго ждать и начала, как говорят охотники, трюкать. Услыхав ее голос, молчавшие перепела вскричали на разные голоса и один за другим начали садиться, где ни попало.

Графу так понравилась охота, что он велел нести в дом сеть, дудку и самку, обещаясь отправиться и на утреннюю зорю. За ужином он велел подать себе шампанского. Вся графская дворня суетилась и толковала о перепелах; графский дом вдруг ожил.

Охота, за исключением ненастных дней, продолжалась каждую зорю. Сын винокура запросто приходил в графский дом и без церемонии настроивал дудку, в чем иногда принимал участие и сам граф.

Однажды граф сидел в кабинете и вслушивался, как сын винокура настроивал в зале дудку. Он позвонил камердинера и объявил:

– Скажи этому молодому человеку, что я больше не намерен охотиться: я не так здоров, к тому же у меня есть дела.

– Я вам давно, ваше сиятельство, хотел доложить, – начал камердинер, – нехорошее это вы знакомство завели. Вон и то начинают говорить про вас, что вы по ржи бегаете за перепелами.

– Кто это говорит?

– Да соседи!.. ей-богу... помилуйте! наш дом графский; а какое у нас пошло безобразие... страсть! вон паркет весь исцарапан, никак не наметешься... Самка стоит в перед-

ней... Ну, кто взойдет из хороших людей? А вчера перепел окно разбил...

– Ну, да! так скажи Ивану Ивановичу, что я занят... ступай!

– Слушаю.

Камердинер подошел к молодому человеку и объявил:

– Его сиятельство не совсем здоровы, так просят у вас извинения... Они пришлют за вами, когда вздумают поохотиться, пришлют, – ласково говорил камердинер. Юноша удалился.

Графский дом принял прежний, величественный, строгий вид. В нем воцарился порядок: везде все было убрано, полы были натерты, прислуга ходила на цыпочках. Граф сидел в кабинете, чистил ногти и думал:

«Теперь по всему уезду будут толковать: вот какие он делает экскурсии-то!.. скандал!..»

III

ГОСПОДА КАРПОВЫ

Ближайшим соседом графа был Егор Трофимыч Карпов, отставной полковник, лет восьмидесяти. Он управлял когда-то большими имениями знатных особ, был уездным предводителем дворянства, а в последнее время, пользуясь славою примерного хозяина, тихо доживал век в своем родовом имении с женой, красивой дочерью шестнадцати лет и свояченицей – пожилой девицей. У Карпова есть и сын – студент московского университета: рассчитывая на него как на опору своей старости и опасаясь, как бы молодой человек не сделался «якобинцем» в испорченной среде нынешней молодежи, Карпов почти в каждом письме к нему упоминал: «Если вздумаешь бросить науку, приезжай домой; у твоего отца хлеба хватит...» Сын, успевший перепробовать все факультеты, исключая медицинского, на который он поступил недавно, отвечал отцу, что воспользуется его советом непременно, как только доберется до самого корня учения. Об образовании своей дочери, которую ожидало хорошее приданое со стороны родителя, Карпов мало заботился, считая самым лучшим украшением человеческой природы – деньги, дающие независимое положение в свете. Как человек старый и притом сильно пожуировавший на своем веку (он женил-

ся пятидесяти лет), Карпов безвыездно сидел дома, считая города вертепами разврата – и чуть не разбоя; он без ужаса не мог подумать о каком-нибудь развлечении, на которое подбивали его жена, дочь и свояченица. Только в таком случае, когда все семейство от скуки заболело, старик приказывал кучерам из-прохвала готовить экипажи в город, а жене назначал рублей пятьсот на покупку «разных тряпок». Но как скоро больные поднимались на ноги, Карпов начинал жаловаться на новые времена, будто бы грозившие со дня на день каждому помещику разорением, ссылался на скудные урожаи и советовал отложить всякое попечение насчет поездки в город. Разнообразил свою жизнь старик совсем иначе, нежели как мечтало его семейство: выстроив амбар или починив конюшню, он вдруг поднимал образа, что называется молился богу. После водосвятия он приглашал церковнослужителей на пирог, а «богоносцев» угощал на крыльце водкой. Жена его в это время сидела в своей комнате, нюхала спирт и спрашивала горничную, поглядывая на мужиков: «Скоро ли уйдут эти люди с запахом?» Она внутренне жаловалась на судьбу, соединившую ее с упрямым, бессердечным стариком (ей было под сорок), так что, несмотря ни на какие усилия с ее стороны мужественно нести свой крест, она всякий раз изнемогала и падала под его тяжестью. Свояченица Карпова в свою очередь негодовала на вечное свое девство и одиночество, волей-неволей заставившие ее изливать свои чувства на больных грачей, выпавших из гнезда галчат

и подчиняться грубому произволу старика.

Однажды утром, когда лакей накрывал для чая стол, Карпов, сидя на диване в коротеньком шелковом камзоле и в бархатной ермолке, беседовал с священником своего села о недавних правительственных распоряжениях относительно приходов и церквей^[6]. Поправляя на голове ермолку и без церемонии зевая, он спрашивал:

– Куда же денутся дьячки и дьяконы?

– По всей вероятности, – отвечал священник, робко поднимаясь со стула, – поступят в род жизни; а впрочем, может быть, последуют какие-нибудь особые распоряжения... – Священник сел и прибавил, – еще ничего неизвестно.

– Ну, как же наш храм?

– Позвольте вас просить, Егор Трофимыч, взять издержки на себя; так как наш приход маленький, то храм могут запечатать и ваше семейство должно будет ездить за двенадцать верст в село Христовоздвиженское. Что же касается до крестьян, то рассчитывать на их поддержку невозможно; сами изволите знать, у всех дома раскрыты...

– Что могу, то сделаю, – отвечал Карпов, – а без церкви нам нельзя быть.

– Да! поистине доброе дело сделаете, если примете на себя попечение о храме...

Карпов задумчиво поправил на голове ермолку и перекинул одну ногу на другую.

– Так вы были в Погорелове? – спросил он после некоторого молчания.

– Как же-с! третьего дня ездил туда: приход там настоящий – более тысячи душ, и церковь в исправности. Ну, да ведь и то сказать: графское имение...

– Граф все здесь живет?

– Здесь-с! – запахивая полы рясы, отвечал священник, – говорят, весь погрузился в науки, занимается натуральной историей... Что-то нынче материализм в большом ходу стал: вот села Голопяток священника жена помешалась над этими науками, постоянно читает либо анатомию, либо какие-нибудь человеческие внутренности и все спорит с мужем о бессмертии души.

Карпов засмеялся, прищулив глаза, и быстро передвинул ермолку с одного боку на другой.

– О бессмертии души... Говорит: неужели я должна пропасть!

– Ну, что же муж на это?

– Муж, конечно, говорит: «Чего ты ищешь? что нам с тобою надобно? Живем мы, слава богу». А ведь они люди богатые: за попадьей было приданого тысяч десять; она дочь полкового священника... Само собою разумеется, с детства вращалась среди офицеров и *набаловалась*...

В это время в залу вошли свояченица и дочь Карпова, Варвара Егоровна.

– Пора, матушка, пора: не стыдно ли так долго спать? –

говорил старик, целуя дочь, – самовар давно на столе, а вы прохладаетесь...

– Мы с тетей давно встали, папочка, – отвечала дочь, приготавливаясь делать чай.

– Чего вы брюзжите? – поцеловав Карпова, сказала свояченица, – видите, какое чудное утро? Сегодня мы хотим отправиться в лес... Здравствуйте, батюшка, – отнеслась она к священнику, – благословите...

Священник осенил ее крестом и произнес:

– Надо, Александра Семеновна, пользоваться временем; а то ягоды скоро скосят... да и благо погода стоит.

– О чем вы тут говорили? – спросила Александра Семеновна, садясь за стол.

– Да вот о церквах; о погореловском графе...

– Ну что? Скажите, пожалуйста, что граф?

– Ничего, живет в своем имении, занимается науками...

Я недавно туда ездил...

– В самом деле? Что же, вы его не видали?

– Нет-с, видел – мимоездом. Я ехал этак в стороне, а он верхом, в белых брюках.

– Что же, красив он?

– Очень... очень даже красив...

– Ах, боже мой! хоть бы одним глазком взглянуть... Егор Трофимыч! – обратилась Александра Семеновна к Карпову. – Как бы познакомиться с графом?

– Я уж не знаю как; с отцом его я был знаком; а этот живет

здесь без году неделю: больше разъезжал где-то. Впрочем, если вам так хочется...

– То что?

– Что, папочка? – весело спросила дочь.

– Вот приедет Вася... Он познакомится с графом...

– Ах да! – воскликнула Александра Семеновна, – хоть бы поскорей приезжал Вася; как вспомнишь эту несносную зиму, боже мой! Я не знаю, как мы живы!..

– А ваш сынок скоро приедет? – спросил хозяина священник...

– Жду со дня на день... теперь у них экзамены кончились... Мой сын тоже естественник, – внушительно взглянув на священника, заметил старик.

– Естественник? – спросил батюшка, – гмм... да-с! доброе дело!.. Что бишь я слышал про графа? дай бог память!

Все с напряженным вниманием глядели на священника...

– Будто бы он... конечно, может быть, все это пустяки... я сам слышал от людей...

– Да что такое?

– Будто бы он науками-то вовсе не занимается, а с дворовыми людьми бегают по полям да перепелов ловит...

– Вздор какой! ну, можно этому поверить? – сказала Александра Семеновна, – вы сами посудите, батюшка.

– Конечно... я слышал... За что купил, за то и продаю...

– Это просто деревенские сплетни!.. Граф, как человек серьезный и ученый, приехал в наше захолустье попробовать

применить научные сведения к нашей жизни, а про него распустили слух, что он перепелов ловит!.. Ах, какой народ!.. – На лице Александры Семеновны выразилось негодование, и она прибавила: – Впрочем, гораздо лучше оставить этот разговор: к науке нельзя так легкомысленно относиться... Егор Трофимыч! я вам не сказывала моего горя?

– Что такое?..

– Мой грач, у которого было сломано крыло, сегодня утром скончался...

– Вечная память, – усмехаясь, сказал старик.

– Надо рыть могилку, – присовокупил батюшка.

– А вы как думаете? Неужели я его так брошу... Я ему сейчас пойду рыть могилку... Бедный, бедный! и отчего так скоро умер?.. Бывало, где бы он ни был, только скажи: «Милый грач!» – сейчас отзовется и придет...

– А остальные ваши питомцы живы?

– Слава богу! А насчет графа, батюшка, вы таких слухов не распускайте... пожалуйста! ведь это ужасно!! это ни на что не похоже...

– Помилуйте, мне самому говорили...

– Я вас покорнейше прошу...

Александра Семеновна попросила себе другую чашку чаю, утерлась платком и замолкла: на ее лице выступила краска. Старик, глядя на нее, посмеивался. Батюшка, поняв свой промах, переменял разговор:

– Все помаленьку начинают съезжаться в деревни: теперь

в городах тяжко... пыль... Вот, говорят, Новоселов приехал из Петербурга.

– Наш сосед – Андрей Петрович? – спросил старик.

– Да-с! Говорят, дня три или четыре тому назад прибыл.

– Каков? и до сих пор не проведает нас... Значит, он до сих пор не определился на службу... Странный человек! ведь получил университетское образование... он тоже натуралист.

– Человек добропорядочный. Этого нельзя отнять... В залу вошла хозяйка с бледным лицом и томными глазами, в белом пеньюаре: в руках у ней был флакон с духами. Приняв благословение у священника, она обратилась к мужу:

– Там, к тебе, мой друг, пришли мужики: должно быть, насчет *земельки*... – Она с усмешкой посмотрела на батюшку, – не могу равнодушно смотреть на этот народ; со мной сейчас делается дурно...

На улице вдруг раздался звон колокольчика: все семейство устремилось к окнам. Тройка почтовых лошадей подъезжала к церкви. Священник, взглядываясь в проезжающего, говорил: «Уж не к нам ли из консистории?..» Но тройка, миновав церковь, повернула прямо к дому Карповых. Женщины вскрикнули:

– Вася, Вася!

Все вышли на крыльцо, к которому подъехал бравый молодой человек в белом пальто. Это был сын Карпова. Про-

изошла обычная сцена свидания; зазвучали поцелуи, посыпались расспросы; бабушка, поздравив Карповых с радостью, отправился домой. Через полчаса молодой человек сидел за самоваром в кругу родного семейства. Сообщив некоторые подробности из своего путешествия, он объявил:

– Ну-с, уведомляю вас, что университет я оставил.

– Как так? – спросили все.

– Очень просто. Завершаю свое образование и поселяюсь здесь с вами.

– Что же ты будешь делать? – спросила мать.

– Буду знакомиться с хозяйством, охотиться, изучать химию. Это мой любимый предмет. Да и, наконец, папаша слаб, я ему буду помогать. – Студент поцеловал руку отца и спросил: – Ты не сердись на меня, что я бросил университет?

– Помилуй! напротив! Я же тебе писал несколько раз: приезжай, как только вздумаешь.

– Послушай, Вася! – возразила Александра Семеновна, – неужели ты с этих пор хочешь закабалить себя в деревне?

– Да! Закабалить! – энергично сказал молодой человек, – а знаете вы причины, почему я оставил университет? Ведь вы их не знаете. Вы не можете себе представить, что такое медицинский факультет!..

Старик усмехнулся и сказал:

– Вот то же самое он говорил про юридический и филологический факультеты: «Вы не можете себе представить!»

– Ну, да с этими факультетами я покончил, – более и бо-

лее воодушевляясь, говорил юноша, – теперь послушайте, что я вам скажу про медицинский. Я не могу до сих пор понять, каким образом медицина в моей голове перевернула все вверх дном! познакомившись с нею, я совершенно охладел к жизни, даже потерял всякое уважение к людям. Ей-богу... Вообразите себе: всякий из нас, как известно, любит цветы, например; да и в самом деле, они прелестны, – чудо в своем роде, как чудо все, что только произвела природа. Теперь не угодно ли вам послушать университетские лекции об этих цветах или вообще о растениях: вам, зевая, нехотя, потому что профессорам надоело несколько десятков лет читать одно и то же, сообщают, что чашечка пятиразверзная, пестик один, листья перисто-выемчатые, обратно-яйцевидные и т. д. И все это читается вяло, монотонно, как будто профессора отбывают самую несносную для них повинность... Затем представьте себе эти распластанные, изрезанные трупы, этих молодых людей с ножами...

– Фи! не рассказывай, пожалуйста, – воскликнули дамы, – c'est affreux!..³

³ Это ужасно!.. (фр.).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.